

Предисловие

Рациональность

и антропологичность — специфика

конвенционалистского подхода

Существа, способные устанавливать конвенции, суть существа и добровольные духовные.

Карл Дю-Прель

Конвенции разъедают нас насквозь, но есть конвенциональные способы преодоления конвенции.

Станислав Ежи Лец

Нет никакой твердой почвы под ногами, есть лишь сопротивление глубины.

Станислав Ежи Лец

В последние десятилетия в результате широкого обсуждения проблемы взаимосвязи ценностного и когнитивного в познавательной деятельности все больше утверждается мысль о принципиальной включенности ценностных компонентов сознания, человеческого измерения познания не только в сам процесс осуществления любого вида познавательной деятельности (в том числе и научной), но и в его результаты, включая научное знание. В этой связи вполне резонно возникает вопрос о характере той методологической процедуры, с помощью которой реализуется синтез ценностной и когнитивной компоненты научного познания. Для конвенционалистской философии науки, истоки которой восходят к началу XX в. (П. Дюгем, А. Пуанкаре, Ле Руа и др.), такой базовой методологической процедурой считается конвенция, или условное соглашение обо всех принимаемых в науке значениях понятий, способах измерения различных величин, основных аксиомах и принципах научных теорий, средствах доказательства, обоснования и проверки высказываний и концепций науки и т. п. Очевидно,

что конвенция — это одна из форм проявления свободы субъекта научного познания и его мышления при осуществлении познавательной деятельности и одновременно демонстрации человеческого, антропологического характера самого научного познания и всех его результатов. Существенно конвенциональный характер научных теорий был признан в XX в. не только многими выдающимися учеными (А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Г. Вейль, Р. Фейнман и др.), но и большинством философов науки как неопозитивистского ее направления (Р. Карнап, Б. Рассел, К. Айдукевич, А. Айер, К. Гемпель и др.), так и постпозитивистского (К. Поппер, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Т. Кун и др.). Этому способствовала целая совокупность особенностей неклассической и постнеклассической науки: резкое возрастание абстрактности и степени общности естественно-научных теорий; использование учеными гипотезы в качестве необходимой и важнейшей формы развития научного знания; пересмотр многих понятий классической науки, казавшихся дотоле абсолютно незыблемыми: отказ от одних фундаментальных понятий, изменение содержания других; осознание конвенциональности языка и семантики научных терминов; открытие многозначного характера связи теории и эмпирического материала; резкое возрастание роли конкурирующих теорий в динамике науки и, в этой связи, проблемы выбора и значения внеэмпирических критериев при оценке теорий (простота, красота, удобство, изящество и т. д.).

Конвенционалистское истолкование природы научного познания с самого начала было направлено на утверждение и признание того неоспоримого факта, что наука — это результат человеческого творчества, разнообразных и систематических попыток человека рационально смоделировать природу, а вовсе не однозначно детерминированное путем воздействия природы на сознание ученого знание и уж тем более не результат Божественного промысла и гарантированного ученым истинного познания природы. Не случайно впервые вопрос о конвенциональном характере научного знания был поднят в конце XIX в. отнюдь не в философии и методологии науки, а в рамках религиозного анализа науки и ее возможностей. И сделал это французский

неотомист Эдуард Ле Руа, опираясь на средневековую традицию различения и противопоставления двух родов истин: истин разума и истин веры. Согласно этой традиции, научные истины, в отличие от религиозных, являются плодом усилий человеческого разума, а потому не могут быть абсолютно истинными по самой своей природе.

Конвенциональная и человеческая природа научного знания — это то, от чего отказался в начале XX в. Гуссерль, и то, к чему пришел поздний Гуссерль, выступая за гуманизацию европейской науки. Признание условно истинного характера человеческого познания отчетливо просматривается также в экзистенциализме, прагматизме, герменевтике, впрочем, как и во многих других течениях философской мысли XX в.

Конвенциональный характер научного знания был особенно ярко раскрыт в неопозитивистских и близких к ним течениях философии науки. Несмотря на достаточно жесткий эмпиризм, логицизм, сциентизм и традиционный рационализм и, в частности, на интерналистское понимание развития научного знания, они, тем не менее, были единодушны в признании наличия в структуре научного познания некоей в нелогической, внеэмпирической и вместе с тем гуманитарной компоненты. Такой компонентой и являются, с их точки зрения, научные конвенции. Правда, в зависимости от философских предпочтений, наибольшая значимость и вес конвенций утверждались ими либо на эмпирическом уровне научного познания (К. Поппер и др.), либо на теоретическом (А. Пуанкаре, И. Лакатос, Т. Кун и др.), либо на обоих уровнях знания (П. Фейерабенд, У. Матурана и др.). Признание как с сциентистами, так и антисциентистами конвенционального характера научного познания было одновременно и причиной, и следствием утверждения ими гуманитарного, человеческого характера научного знания, его творчески-волевого и конструктивного происхождения. Вместе с этим происходил отказ от традиционной эпистемологической трактовки субъекта научного познания как трансцендентального субъекта, как некоего всеобщего и безличного ученого — своеобразного «познавательного автомата». На смену такой трактовке пришло понимание

субъекта научного познания как реального ученого с его конкретным познавательным интересом, индивидуальным когнитивным горизонтом, способностью к продуктивному воображению, развитой степенью воли и жизненного самоутверждения. Сторонники социокультурной динамики науки добавили к этому положение о детерминации реальных субъектов научного познания со стороны культуры, ценностно-мировоззренческих, социальных и практических требований и запросов эпохи. Повышенный интерес философов науки к проблеме роли конвенций в научном познании был обусловлен не только бурным развитием науки в XX в., усложнением структуры научного знания, возникновением множества конкурирующих исследовательских программ и теоретических концепций, созданием высоко абстрактных научных построений, но и настойчивым стремлением ученых осознать реальные гносеологические основания своей деятельности. Для них бесспорным стало то, что с углублением и расширением научного познания наблюдается повышение удельного веса и значения конвенционального элемента в науке. И это отнюдь не свидетельство произвола чистого мышления, а объективная необходимость и одна из закономерностей развития научного знания. То обстоятельство, что конвенции играют важную роль на всех этапах научного познания как в процессе научного поиска, так и при построении и обосновании научных теорий, приводит ряд исследователей к мысли о необходимости выделения научных конвенций в качестве особого общенаучного метода, понимаемого при этом как сложной и многообразной познавательной процедуры, включающей в себя целую серию различных познавательных операций логического, эмпирического и практического характера, заканчивающуюся принятием ученым соответствующего решения — конвенции. Конвенция — это не только всеобщая, массовая, но и элементарная познавательная процедура в науке. Это особенно очевидно при рассмотрении научного познания как существенно вербальной, дискурсивной, когнитивной деятельности.

Соответственно это предполагает и иное рассмотрение соотношения познавательной и коммуникативной функции

языка не как их сочетания или простого взаимодействия, а как единого процесса и в познавательных процедурах, и в общении, и в экзистенциальном разговоре, и в артикуляции мира и т. д.

Основная трудность, с которой сталкивается философ при исследовании проблемы конвенций в науке, это механизм соединения объективных параметров научного знания и творческих возможностей познающего субъекта. Решение именно этой проблемы лежит в основе определения объективных границ конвенции и ее роли в научном познании. Условность — одно из проявлений активности субъекта познания. Эвристическая условность — это поисковая модель, функциональное средство достижения объективно-верного знания о мире.

Как известно, многие вопросы, связанные с исследованием структуры, функций и развития научных теорий, интенсивно разрабатываются и в современной отечественной методологической литературе. Здесь достигнуты значительные результаты и высказано немало интересных и плодотворных идей. Что же касается проблемы конвенций, необходимо признать, что ее позитивная разработка в отечественной философии науки пока находится только на начальном этапе. До сих пор в понимании природы условных соглашений и их функций остается много неясностей, трудностей и нерешенных вопросов. Некоторые авторы порой даже не различают понятия «конвенция», «конвенционализм» и употребляют их как синонимы. За редким исключением и в мировой, и в отечественной литературе отсутствуют даже попытки дать четкое определение понятию «конвенция». Обычно авторы пользуются такими синонимичными выражениями как «конвенция», «конвенциональность», «конвенциональный элемент», «условность», «условное соглашение», полагаясь на интуицию читателя и контекст работы. По сути дела, все эти выражения являются не более чем буквальным переводом с латинского языка термина «конвенция», введенного в философскую методологию Э. Ле Руа и А. Пуанкаре.

В качестве одного из рабочих определений «научной конвенции» можно было бы предложить следующее. Научная

конвенция — это методологическая процедура, характеризующая принятие субъектом научного познания когнитивного решения в ситуации выбора с целью устранения неопределенности при описании объекта или применения научного знания в практической деятельности.

Проблематика исследования функций конвенций в научном познании тесно связана с задачей раскрытия меры человеческого присутствия в научном познании и в его результатах без потери при этом статуса объективности научного знания. Особенно актуальной эта задача выглядит по отношению к, очевидно, человекомерному характеру современной постнеклассической науки. Здесь требуется такое рассмотрение включенности ценностно-мировоззренческих и антропологических факторов в научное познание, при котором они выполняли бы функции не только внешних регуляторов процесса научной деятельности, но и существенных внутренних факторов, определяющих ее функционирование и развитие. Стремление современной философии науки преодолеть традиционное противопоставление методологических и мировоззренческих, объектных и антропологических компонент при описании структуры и динамики науки приводит к возможности создания множества вариантов осуществления их синтеза. Одним из таких вариантов и является конвенционализм. Его преимущество перед другими попытками синтеза состоит, на наш взгляд, в стремлении наиболее простым образом соединить объективность и рациональность научного знания с наличием в познании ценностно-психологических и практических установок ученых. Решение этой проблемы конвенционалисты видят в признании конвенционального характера научного познания, а использование научных конвенций рассматривают как одно из средств достижения гармонии научного знания, его целостности, рациональной регулируемости «человеческого лица» и вместе с тем объективности и определенности. Безусловно, процесс научного познания не сводится к конвенциям и «хитрости» человеческого разума с его конструктивной свободой, ибо главная задача науки — адекватное, точное и эффективное описание объективной реальности. Однако без использования научных конвенций

эта задача не может быть решена в принципе. Без признания и понимания фундаментальной роли конвенций в научном способе постижения реальности невозможно создание адекватных современной науке моделей ее структуры и динамики. Заслуга конвенционализма состоит в четкой фиксации этого фундаментального обстоятельства. Более того, в рамках конвенционализма удалось эффективно соединить существенно противоположные характеристики научного познания, а именно человеческий характер научного познания с его объективностью и рациональностью. В этом отношении конвенционализм вполне может быть рассмотрен как логико-методологический вариант антропологического понимания науки.

Введение

Анализируя историю гражданского общества, мы можем с уверенностью сказать, что ни одна сфера светской культуры не оказала столь существенного и динамичного влияния на общество, как наука. И в нашем мировоззрении, и в мире окружающих нас вещей мы повсеместно имеем дело с последствиями ее развития. Со многими из них мы настолько срослись, что уже не склонны их замечать или тем более видеть в них особые достижения.

Развитие науки радикальным образом преобразило не только быт людей, но и принципиально повлияло на становление и развитие всей цивилизации, не обходя своим влиянием ни одну сферу деятельности человека. Соединяясь с другими социальными институтами, наука становится активным практико-ориентированным субъектом преобразования материального мира путем создания на основе научных знаний новой техники и технологий. Помимо огромной практической роли, важное значение имеют методологические, эпистемологические, семиотические и мировоззренческие функции науки.

Как показали регулярно проходящие международные конгрессы по проблемам логики, методологии и философии науки, исследователи, ориентированные сугубо сциентистски, встречаются с серьезными трудностями. Такой вывод обусловлен откровенными неудачами методологии логического позитивизма, а также неудовлетворенностью постпозитивистскими новациями, наличием существенных трудностей «исторической школы», непреодолимых, в первую очередь, из-за субъективистских и релятивистских тенденций в их философских основаниях. Не смогли решить удовлетворительно проблему философских предпосылок и такие известные представители методологии как К. Поппер и его последователи, хотя ими проанализирован ряд фундаментальных вопросов. Сегодня в западной философии непосредственно столкнулись с необходимостью учесть в моделях роста знания не только внутринаучные связи теорий и их взаимодействие с опытом, но и влияние на этот процесс философских, мировоззренческих и иных факторов социокультурного характера.

Одной из центральных проблем современной философии является переосмысление природы и статуса субъекта научного познания в направлении не только признания принципиально социального характера субъекта научной деятельности, признания за ним не просто активной роли в моделировании познаваемой им реальности, но и творящей научное знание инстанции.

Наука предстает многомерным, системно организованным объектом, познание которого вне взаимозависимости различных элементов, составляющих культуру, просто невозможно. Современные модели науки учитывают социальный характер субъекта научного познания и научной деятельности, фундаментальную роль научных коммуникаций в процессе создания и утверждения научных концепций, первостепенное эпистемологическое значение на всех этапах научного познания введения значительного количества научных конвенций, утверждаемых на основе коллективного научного разума.

Изучая научную деятельность, необходимо учитывать не только субъект-объектные отношения, определяемые во многом содержанием изучаемых объектов, но и межсубъектные когнитивные коммуникации. Необходимыми и центральными элементами внутринаучных когнитивных коммуникаций являются разнообразные и многочисленные научные конвенции, предлагаемые и принимаемые (или не принимаемые) членами научного сообщества. Совокупность научных конвенций в отдельной науке или научной дисциплине представляет собой систему достаточно консервативную, но вместе с тем принципиально открытую к введению новых конвенций и изменению или отказу от старых. Механизмом, регулирующим этот процесс, является научный консенсус. Его выработка занимает определенное, иногда длительное время, а на его результат влияют не только логико-эмпирические факторы, но и социальные, мировоззренческие и прагматические установки и предпочтения ученых. Без фундаментальной философской рефлексии природы научных конвенций и их особой роли в процессе научного познания невозможно построить адекватные реальной науке модели ее структуры и развития.

Изучение существенных изменений процесса современного научного познания и рефлексии этих новаций методологическим сознанием способно дать новые импульсы развитию философского знания. Изучение изменений, происходящих в методологии науки, в особенности в условиях формирования полиарности моделей познания, требует ресурсов различных разделов философского знания — логики, теории познания, философской антропологии, этики и др. — и тем самым выполняет интегрирующую функцию в философии. Анализ эволюции методологического сознания, природы знания и переосмысление статуса познающего субъекта — один из самых важных путей самопознания философии. В эпоху, когда происходит смена типов рациональности, ориентация познавательных процессов не только на истинность и нормативность, но и на различные типы ценностей, особое значение приобретают усилия, направленные на построение систематизирующих и синтезирующих методологических концепций.

В отечественной литературе широкое обсуждение вопроса о соотношении ценностного и познавательного началось еще в 60-е годы XX века. Результатом этого обсуждения в рамках марксистской философской парадигмы стал вывод об их нерасторжимой взаимосвязи, о принципиальной включенности ценностно-нормативных компонентов в познавательный процесс и в само знание. Это положение было зафиксировано в работах П. В. Копнина, А. М. Коршунова, К. Л. Любутина и других. Предметом изучения в этих работах были субъект и объект как элементы ценностного отношения вообще, а также социально-исторические цели и идеалы, нормы и представления, в соответствии с которыми субъект осуществляет «отнесение к ценностям» любой, в том числе и познавательной, деятельности. Однако уже в 70–80-е годы XX века в обсуждении этой проблематики наблюдается переход от общих эпистемологических исследований ценностного и познавательного к выявлению конкретных форм, факторов, способов взаимодействия когнитивного и ценностного именно в научном познании (исследования Н. М. Мотрошиловой, П. П. Гайденоко, В. С. Библера, В. С. Степина, А. П. Огурцова, Б. Г. Юдина и др.). Несмотря на то, что

ценностный подход к научному познанию приобрел сегодня «права гражданства», здесь еще много нерешенных и спорных проблем. В ряду таких проблем — соотношение истины и ценности, соотношение субъективного и объективного в научном знании, способы выдвижения и принятия в науке концепций, претендующих на истинность и универсальность, роль и функции научных конвенций в производстве и динамике научного знания, адекватная оценка конвенционалистских концепций и стратегий в философии и методологии наук (А. Пуанкаре, Р. Карнап, А. Куайн, представители современного радикального конструктивизма П. Вацлавик, Е. Глазерфельд, У. Матурана, Х. фон Ферстер и др.).

В отечественной философской литературе значительное внимание уделяется анализу собственно познавательных ценностей. Ценность науки, по мнению многочисленных исследователей, определяется тем, что она есть высшее, специфически человеческое средство ориентации человека в жизненно-практической сфере.

Развитие теории познания, введение новых средств, методов, расширение предметного поля этой области философского знания предполагают трактовку самого познания как процесса, включенного в исторически определенные формы предметно-практической деятельности и коммуникаций.

Не последнее место в этом процессе занимает анализ возникновения и развития новых методологических направлений, реализующих поле деятельности эволюционирующего методологического сознания, примером чему является анализ конвенционалистской методологии науки.

Конвенциональное принятие и построение научной теории как методологическая норма, как специфика современной науки, было признано всеми ведущими методологами XX века различных направлений. Этому способствовала целая совокупность особенностей современной науки, как то: резкое возрастание абстрактности и степени общности естественно-научных теорий; использование учеными гипотезы в качестве необходимой и важнейшей формы научного знания; ломка и пересмотр понятий классической науки, казавшихся дотоле абсолютно незыблемыми; отказ

от одних фундаментальных понятий, изменение содержания других; конвенциональность языка семантики научных терминов; осознание многозначного характера связи теории и эмпирического материала; резкое возрастание значения конкурирующих теорий и, в этой связи, значения проблемы выбора и значения внеэмпирических критериев оценки теории, простоты, красоты, удобства, изящества и т. д.

Конвенциональное понимание природы научного знания и знания вообще является яркой демонстрацией того факта, что наука — это творение рук человеческих. Этот, казалось бы, простой, даже банальный факт, требует своего обоснования с различных позиций. Неслучайно, что вопрос конвенциональности научного знания впервые был поднят в конце XIX века в рамках религиозного философствования неогегельянцем и неотомистом Эдуардом Ле Руа. Сам конвенционализм уходит своими корнями в средневековую концепцию двух родов истин: научные истины, являясь результатом одного из видов человеческой деятельности, не могут быть абсолютом.

Конвенциональная, т. е. человеческая природа человеческого знания — это то, от чего отказался ранний Гуссерль, это то, к чему пришел поздний Гуссерль, выступая за гуманизацию европейской науки. Это также просматривается в теоретической версии экзистенциализма, впрочем, как и в более ранних направлениях неклассического периода развития философской мысли.

Эти идеи, как ни странно на первый взгляд, ярко раскрываются в позитивистских и близких к ним течениях. Несмотря на их достаточно жесткий сциентизм и достаточно традиционный рационализм, а также интерналистское понимание научного знания, ими, тем не менее, признается нерациональная компонента в самой структуре научного знания, для выявления которой и служит конвенция. В зависимости от точки зрения автора работа этих конвенций рассматривается на эмпирическом или теоретическом уровнях знания.

Наиболее демонстративно, в рамках постпозитивистской методологии науки, нерациональный характер научного знания раскрывается в трудах К. Поппера и его многочис-

ленных учеников и сторонников, которые развили самостоятельные идеи, далеко выходящие за рамки школы Поппера.

Таким образом, признание конвенциональности научного знания сциентистскими и антисциентистскими философскими направлениями свидетельствует о признании вхождения нерациональных компонентов в структуру научного знания. Причиной этого является субъект науки, т. е. человек, с его исторически меняющимся интересом, и исторически меняющийся ценностно-мировоззренческий климат эпохи.

Вполне правомерен в этой связи возрастающий интерес к изучению логики научных исследований и выявлению вопросов, имеющих важное значение в дальнейшем исследовании компонентов самой науки, взятых в определенной системе социокультурных ориентаций. Среди них большой интерес представляет проблема вхождения условных элементов, конвенций в структуру строения и функционирования научных теорий.

Интерес к проблеме конвенции в научном познании обусловлен, с одной стороны, бурным развитием современного научного знания, усложнением его структуры, созданием высокоабстрактных теоретических концепций, с другой — ростом методологической рефлексии науки, стремлением науки осознать свои гносеологические основания. Актуальность проблемы функционирования условных соглашений в научном познании определяется также необходимостью методологического анализа современной философии, прежде всего неопозитивизма и постпозитивизма, уделяющих большое внимание данной проблеме.

Актуальность данной темы объясняется и тем, что с углублением познания наблюдается рост удельного веса конвенционального элемента в научном знании. Но это не произвол чистого мышления, а объективная характеристика научного познания.

Как уже отмечалось, конвенция играет важную роль, как в процессе научного поиска, так и в построении теории, и вполне возможно, что позитивная разработка данной проблемы приведет к признанию методологическим сознанием конвенции как общенаучного метода, как познавательной процедуры, включающей в себя целую систему

операций. Безусловно, что в самом простом случае конвенция — минимальная структура и минимальная процедура познавательного акта, даже если последний сводится к чисто вербальному акту, что зачастую при увлечении интерпретационным подходом неизбежно. Особенно ярко это раскрывается в понимании разума, теоретического сознания как рефлексивного мышления, опосредованного языком и связанного с ним. Это конкретизируется в вербализованном акте понимания, связанного с рациональной объективацией и конституированием смысла.

Такая постановка вопроса находит свое отражение в новых течениях философии языка, к примеру, в трансцендентальном прагматизме К.-О. Апеля¹, где по сути дела язык рассматривается как отношение к отношениям, что актуально для проблематики и тематизации субъектно-субъектной модели познания². Эти моменты, связанные с проблемой трансцендентального конституирования интерсубъективно значимого смысла вещей и явлений, усиливаются в современной герменевтической феноменологии при объяснении «установления конвенций между учеными о тематизированных предметах и их исследовательских программах»³ и являются ключом к проблеме обоснования истинности суждений. Таким образом, «теория познания перестает быть классической критикой познания в виде анализа познания и превращается в «критику смысла», основанного на анализе знаков и их значений»⁴.

Это предполагает и иное рассмотрение соотношения познавательной и коммуникативной функции языка — не как их сочетания или простого взаимодействия, а как единого процесса в познавательных процедурах, в общении, в экзистенциальном разговоре, в артикуляции мира и т. д.

Основная трудность, с которой сталкивается позитивная разработка проблемы конвенций — соединение объек-

¹ См.: Апель К.-О. Трансформация философии. — М., 2001.

² См.: Соболева М. Е. Трансцендентальный прагматизм К.-О. Апеля. Проблема языка // Вопросы философии. — 2005. — № 12,

³ Соболева М. Е. Интенциональность — коммуникация — язык. Проблема последовательности // Вопросы философии. — 2005. — № 1. — С. 140.

⁴ Там же. — С. 144.

тивных параметров самой природы знаний и творческих возможностей познающего субъекта. Решение этой проблемы является ключом к решению вопроса об объективных границах конвенции и ее роли в научном познании.

Многие вопросы, связанные с исследованием структуры, функций и развития научных теорий, интенсивно разрабатываются в отечественной методологической литературе. Здесь достигнуты значительные результаты и высказано немало интересных и плодотворных идей. Что же касается проблемы конвенций, то в работах современных философов позитивная разработка данной проблемы находится только на начальном этапе.

Поэтому до сих пор в понимании природы условных соглашений и их функций остается много неясностей, трудностей и нерешенных вопросов. Некоторые авторы порой даже строго не различают понятия «конвенция», «конвенционализм» и употребляют их как синонимы. За редким исключением⁵, и в мировой, и в отечественной литературе отсутствуют даже попытки дать четкое определение понятию «конвенция». Обычно авторы пользуются такими синонимичными выражениями, как «конвенция», «конвенциональность», «конвенциональный элемент», «условность», «условное соглашение», полагаясь на интуицию читателя и контекст работы. По сути дела, все эти выражения являются буквальным переводом с латинского языка термина «конвенция», введенного в философскую методологию Э. Ле Руа и А. Пуанкаре.

В качестве рабочего определения «конвенции» можно предложить следующее: конвенция — методологический прием, характеризующий принятие решения в силу необходимости выбора или с целью устранения неопределенности.

Как правило, абсолютное большинство исследователей ограничиваются лишь критикой конвенционализма, указанием на его субъективистский характер. Это, конечно, верно, но самая убедительная критика, как известно, — позитивная разработка тех проблем, из которых выросла

⁵ См.: Микешина Л. А. Философия науки. — М., 2005; Никифоров Л. А. Философия науки. — М., 2006.

конвенционалистская методология науки. Среди отечественных философов, которые внесли наиболее существенный вклад в позитивную разработку проблемы конвенции, необходимо выделить, в первую очередь, работы Э. М. Чудинова и Ю. Б. Молчанова, А. М. Коршунова, В. В. Мантатова, А. Д. Александрова, Я. Ф. Аскина, А. В. Ахутина, Л. Б. Баженова, В. С. Барашенкова, А. С. Богомолова, В. В. Бондаренко, В. В. Виноградова, Д. П. Горского, С. С. Гусева, И. Добронравова, П. С. Дышлевого, Б. М. Кедрова, А. М. Кравченко, В. Н. Кузнецова, С. А. Лебедева, Е. А. Мамчур, Л. И. Мандельштама, Б. В. Маркова, С. Т. Мелюхина, Г. Я. Мякишева, В. В. Налимова, И. С. Нарского, М. Э. Омельяновского, Р. Й. Павлениса, А. В. Панина, Ю. А. Петрова, М. В. Поповича, М. А. Слемнева, В. А. Смирнова, Е. Д. Смирновой, В. С. Степина, А. А. Тяпкина, А. И. Уемова, В. А. Фока, С. М. Шалютина, В. С. Швырева, С. А. Яновской и др. В западной периодической печати регулярно публикуются статьи по интересующей нас проблеме (см. библиографию), но эти работы носят описательный характер и, как правило, посвящены критике классиков конвенционализма, их крайностей с позиции ослабленного конвенционализма. Так, из западных исследователей необходимо выделить: К. Айдукевича, М. Блэка, Л. Больцмана, М. Борна, Р. Боумана, Л. Де Бройля, М. Бунге, Н. Бурбаки, Г. Галилея, Г. Гегеля, В. Гейзенберга, Т. Голда, А. Грюнбаума, Г. Динглера, П. Дюгема, Р. Карнапа, В. Куайна, Т. Куна, И. Лакатоса, М. Планка, К. Поппера, А. Пуанкаре, Б. Рассела, Г. Рейхенбаха, В. Сэлмона, Дж. Уитроу, П. Фейерабенда, К. Фраассена, О. Френеля, А. Шаффа, А. Эйнштейна, В. Эллиса, Д. Юма и др.

Но это лишь внешнее проявление неразработанности данной темы. Суть же проблемы заключается в необходимости выяснения объективных оснований условных соглашений, границ правомерности их применения, а также в необходимости выделить основные разновидности конвенций и раскрыть механизм их функционирования на различных уровнях научного знания, в различных формах научного познания, с учетом ценностной мотивации их выбора и применения.

Основная цель — раскрытие взаимодействия методологических и мировоззренческих программ философских направлений в современном научном познании.

Осуществление данной цели потребовало решения следующих основных задач:

1. Раскрыть меру и степень человеческого присутствия в научном познании, без потери статуса научности, на фоне интерпретации феномена человекомерности постнеклассической науки.

2. Рассмотреть включенность в когнитивные процессы ценностно-мировоззренческих компонентов, выполнение ими не только функций регулирующих принципов, но и функций внутренних факторов развития науки.

3. Представить конвенционализм как методологическую рефлексию попыток синтеза человекомерности процесса научного познания с требованиями научности к построению теоретических концепций.

Методология исследования определяется подходом к рассматриваемым явлениям как целостным феноменам, неразрывно связанным с культурно-историческим контекстом. Поэтому в качестве основных методов исследования выступают исторический и системно-структурный. Используются также методы сравнительного анализа, рациональной реконструкции, логической рефлексии и экспликации.

Научная новизна заключается в следующем:

1. Превращение методологических программ в мировоззренческие представлено как типическая черта современного философствования. Продемонстрирована зависимость познавательных задач от ценностных установок и включенность в этот процесс бытия самого познающего субъекта.

2. Установлено, что переориентация традиционного противопоставления методологических и мировоззренческих программ ведет к множественности вариантов синтеза этих программ в единую целостную конструкцию, где выделяется конвенционализм, соединяющий в себе человекомерность процесса научного познания с требованиями научности к теоретическим построениям, интегрирующий методологические и ценностно-психологические установки.

Глава I. Возникновение конвенционалистской методологии

Одной из наиболее распространенных базисных идей современной философии науки является конвенционалистская трактовка природы научного знания. Как известно, основоположником конвенционализма был крупный французский ученый конца XIX — начала XX вв. Анри Пуанкаре. Хотя его философские труды и удалены от современности более чем на полвека, однако, их анализ не потерял своей актуальности до сих пор, ибо многие положения Пуанкаре восприняты современными конвенционалистами, развиты и дополнены ими. В начале XX века крупный вклад в разработку конвенционализма был сделан также известным франкоязычным историком и методологом науки Пьером Дюгемом. Среди основных версий неоконвенционализма можно указать на следующие: трактовка Карнапом природы логико-математического знания, доктрина «радикального конвенционализма» К. Айдукевича, конвенционалистские взгляды К. Поппера, И. Лакатоса и концепция «геохронометрического конвенционализма» А. Грюнбаума, касающиеся природы пространства, времени и др.

Согласно конвенционалистам, вопрос об истинности постулатов и определений исходных понятий теории есть либо следствие субъективно понимаемого удобства, либо результат внутритеоретических критериев — простоты, красоты, непротиворечивости и т. п.

В данном параграфе мы попытаемся дать обобщенный анализ истоков конвенционалистской методологии.

Появление конвенционализма не было случайным: оно имело предпосылки и причины как философского, так и общенаучного характера. На возникновение и становление конвенционализма оказали существенное влияние, прежде всего, изменения в мировоззренческом, философском «климате», происшедшие в конце XIX — начале XX вв.

Во-первых, эти изменения были связаны с кризисом естественно-научного материализма в его наивно-созерцательной форме. Наивно-стихийный материализм не выдержал столкновения с новыми реальными фактами,

выявившимися в ходе развития науки: появлением множества гипотез, относящихся к одной и той же эмпирической области, стремительным ростом различного рода теоретических построений в науке, резкой ломкой устоявшихся фундаментальных научных понятий и принципов. В качестве наиболее ярких примеров можно указать на революционные преобразования, которые произошли на рубеже XIX–XX вв. в двух важнейших отраслях знания — физике и математике: создание специальной теории относительности, квантовая гипотеза Планка, обнаружение радиоактивности и превращения одних химических элементов в другие — в физике; создание многочисленных систем неевклидовой геометрии, разработка теории множеств и открытие в ней парадоксов — в математике.

Во-вторых, существенную роль в возникновении конвенционалистской методологии науки сыграло то обстоятельство, что оказались несоответствующими умонастроениям ученых того времени как эмпирические (Д. Гершель, Д. С. Милль), так и рационалистские (Гегель, неокантианцы) системы обоснования научного знания. Конвенционалистская методология возникла как одна из альтернатив методологическим программам классического эмпиризма и рационализма.

В-третьих, проникновение через математику в естествознание априоризма, специфическим выражением которого и является конвенционализм.

В-четвертых, усиление иррационалистической струи в философии нашего века, того иррационализма, с которым в некоторых моментах смыкается конвенционализм.

В-пятых, нарастание релятивистских и скептицистских настроений в среде научной интеллигенции и оформление агностицизма как теоретико-познавательной доктрины.

Существенное влияние на возникновение и развитие конвенционалистского учения оказали также выявившиеся в конце XIX — начале XX вв. некоторые особенности научного познания, характерные и для нашего времени.

В качестве первой и главной особенности можно отметить возрастание абстрактности и степени общности естественнонаучных теорий. Отдаление научно-теоретических

построений от реальности усиливало представление о независимости теории от опыта и научной практики. Конвенционалисты осознали этот факт возрастания относительной самостоятельности теории по отношению к опыту, утверждая, что научные теории в достаточно слабой степени недетерминируемы опытом и суть не что иное, как результат конвенции. Так, Пуанкаре в этой связи писал, что приложимые к совокупности процессов всей вселенной «постулаты сводятся, в конце концов, к простым конвенциям. Эти конвенции мы вправе устанавливать, так как заранее уверены, что никакой опыт не окажется с ними в противоречии». В еще более сильной форме кредо конвенционализма сформулировал позднее известный польский логик К. Айдукевич: «Основное положение обыкновенного конвенционализма, представителем которого является, например, Пуанкаре, заключается в том утверждении, что существуют проблемы, которые опыт не в состоянии решить, пока не будет введена произвольно принятая конвенция... В настоящем исследовании мы намереваемся обобщить и радикализировать это положение обычного конвенционализма. А именно, мы хотим выдвинуть и обосновать утверждение, что не только некоторые, но и все суждения, которые мы признаем и которые составляют все наше изображение мира, не являются еще однозначно определенными через данные опыта, а зависят от выбора понятийной аппаратуры, с помощью которой мы отображаем данные опыта. Эту понятийную аппаратуру мы можем, однако, избрать такой или другой, благодаря чему меняется и все наше изображение мира».

Явление математизации знания, например, преобразовало в XX столетии все естествознание. С распространением в науке математических методов связано, к примеру, то обстоятельство, что одна и та же математическая теория может быть применена для описания совершенно различных областей действительности. В частности, в теории функций комплексного переменного Δv связана с явлениями тяготения, света, звука, теплоты, магнетизма, электростатики, электрического тока, электромагнитного излучения, морских волн, полета самолета, колебания упругих тел

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru